

Каретников Константин Романович

От взрывов трёх ракет 3 самолета разлетелись на куски

Я родился 19 июля 1940 года в деревне Сарапаево Елагинского района Марийской Автономной ССР.

Отец, Харитонов Константин, погиб на фронте, мать умерла. До 11 лет жил у тётки, муж которой тоже погиб на войне. У тети было трое своих детей. Летом я пас колхозное стадо, позже мне доверили табун жеребят, с которым я тоже справился. Затем меня усыновила семья инвалида войны Каретникова Романа Фёдоровича.

В 1961 году поступил в Северо-Кавказское военно-техническое училище войск ПВО страны, которое окончил с отличием в 1964 году.

После окончания училища, где изучал зенитно-ракетный комплекс С-75 «Волхов», меня направили служить офицером наведения в Городецкий полк Горьковского корпуса ПВО.

По прибытии в дивизион меня назначили старшим техником координатной системы кабины «А». После трех месяцев службы на этой системе меня перевели на должность офицера наведения в кабину «У». Мне была поставлена задача: через год я должен быть готовым специалистом для поездки на боевые стрельбы на полигон «Ашулук».

Прослужил на должности офицера наведения семь месяцев. В июне месяце 1965 года из штаба полка в дивизион поступил приказ направить меня в гарнизонный госпиталь для

прохождения медицинской комиссии на пригодность к службе в жарких климатических условиях.

Через неделю мне было приказано выехать в Москву на Военный совет Войск ПВО страны. Среди прибывших в Москву офицеров я не встретил ни одного знакомого лица – все были собраны из разных частей округа.

Перед залом заседания Военного совета, один полковник сказал нам, что от нас не должно быть никаких лишних вопросов и ответ должен быть четкий и ясный: «Так точно» и «Никак нет».

Когда очередь дошла до меня, полковник открыл дверь и впустил меня в огромный зал, где на сцене за длинным столом сидели генералы. После того, как я доложил о своем прибытии на Военный совет, первый вопрос задал один из генералов: «Вы готовы выполнить правительственное задание?» Я ответил: «Так точно». Что-то они пошептались между собой и задали второй вопрос: «У вас есть вопросы?» Я ответил: «Никак нет». После этого мне сказали: «Вы свободны». Все получилось так, как сказал полковник перед дверью в зал заседания. Получив предписание от полковника, я вернулся обратно в свою часть.

Не прошло и недели, как я получаю из Москвы новое приказание: мне предписывалось явиться к 16 июня в одну из воинских частей Подмосковья в полевой форме, иметь при себе сменное белье, кружку и ложку.

Жена в это время была беременной, на 8-м месяце. К родителям отправлять было опасно. В дивизионе офицеры жили в 5 финских домиках, где не было никаких удобств, кроме холодной воды. Жена меня спрашивает: «Как же я буду здесь одна?» Что же я мог ответить ей, если сам не знал, куда меня направляют служить. Единственное, что я знал, как сказали на Военном совете, еду выполнять правительственное задание. Так и ответил жене.

Командир дивизиона обещал в квартире поставить телефон, чтобы жена могла позвонить в дивизион, если начнутся роды. И ее отвезут в родильный дом за 30 километров - в деревню Кандаурово.

Воинская часть, куда я приехал, находилась в поселке Митино на окраине Москвы. Там был штаб 236-го ЗРП Московского округа ПВО. На второй день нас переделели в

гражданскую форму. Вечером, в тот же день, нам выдали по 25 рублей и сказали, что мы можем поехать куда захотим, чтобы провести время кто как захочет, но завтра к 8 часам утра все должны быть в сборе.

На следующий день вечером нам поступила команда: забрать свои вещи и садиться в автобусы. В автобусе с нами ехал генерал. Привезли нас на военный аэродром Чкаловское прямо к трапу самолета Ан-10Б. Когда мы уже были в самолете, пришел генерал, который нас сопровождал в автобусе, и стал раздавать нам паспорта, при этом каждому говорил, что вы летите в Демократическую Республику Вьетнам.

На третьи сутки мы добрались до Вьетнама. На второй день после прибытия в Ханой стали формировать дивизионы.

Проблема со мной состояла в том, что я офицером наведения прослужил всего 7 месяцев, на полигоне ни разу не был и после окончания училища еще и года не прослужил. Командиры Учебного центра меня спросили: «Как же тебя отправили во Вьетнам, в это пекло войны без никакого опыта». Я ответил, что я никуда не просился, утвердил мою кандидатуру Военный совет. Остальные офицеры наведения имели большой опыт службы, прослужили в армии не менее 5-6 лет и по 2-3 раза были на стрельбах на полигоне. Конечно, каждый командир дивизиона стремился у себя иметь опытного офицера наведения, поскольку он проводит всю боевую работу и от его мастерства и расторопности во многом зависит успех боя.

Меня взял в свой дивизион майор Проскурин Иван Константинович. Я ему очень благодарен. После Вьетнама он был назначен командиром знаменитого Путиловско-Кировского гвардейского полка (из него он уезжал во Вьетнам), который под его командованием участвовал во всех парадах на Красной площади в Москве.

Техника, на которой мы должны были воевать, находилась недалеко от Ханоя, замаскированная деревьями. Нам поставили задачу: в течение 7 дней технику привести в боевую готовность. Комплекс был старого образца, 6-кабинный вариант, я такого даже и не видел.

Техника была в ужасном состоянии, поскольку везли ее из Баку по железной дороге через весь Союз и Китай. Не было

никакой технической документации, кроме принципиальных схем. С грехом пополам, через 7 дней привели комплекс в состояние боевой готовности.

Я удивлялся мастерству старшего техника кабины «П» капитана Монастырского Николая Стаховича. В его кабине «П» было много неисправностей. Без причины кабина дергалась то в одну, то в другую сторону. Магнетроны от влажности, особенно утром, начинали «стрелять», как из автомата, и выходили из строя. В основном причина была в плохом состоянии межкабинных кабелей, они не выдерживали тропическую 100% влажность, из-за чего изоляция проводов попросту сгнивала. Приходилось прокладывать временные провода поверх кабелей.

Во второй половине июля 1965 года наш 61-й дивизион впервые занял позицию в 35 километрах западнее Ханоя. За ночь, к рассвету, надо было развернуть дивизион и привести в боевую готовность. Вьетнамцы длительные физические нагрузки не выдерживали, от напряженного труда просто отключались и падали от бессилия.

Как только начало рассветать, нам объявили боевую тревогу и на экране индикатора ВИКО появились отметки от приближающихся целей. Расчет кабины управления занял свои места. Несколько групп самолетов противника подлетали к зоне поражения комплекса. В эфир выходили тогда, когда самолеты подлетали к дивизиону по дальности до 30-35 километров, в зависимости от высоты полета.

Налет авиации продолжался более часа. Они пролетали мимо дивизиона, сбрасывали бомбы, по ним стреляла зенитная артиллерия. Командир дивизиона указывал мне координаты приближающихся целей, но обнаруживать их мне никак не удавалось, их просто не было на экране. Состояние мое было ужасное. Когда я обнаружил удаляющуюся от нас цель, координаты которой отличались на 180 градусов от той цели, координаты которой нам указывал до этого командир дивизиона, у меня появилось подозрение, что наша станция разориентирована на 180 градусов. Доложил об этом командиру дивизиона, но он в резкой форме прервал меня. Можно догадаться, какие выражения можно ожидать от командира в такой напряженной ситуации. Налет авиации

закончился ничем, мы не только не сбили ни одного самолета, но даже не обнаружили их.

Командир вышел из кабины и, не сказав ни слова, куда-то ушел. Настроение было хуже некуда, вьетнамцы между собой подозрительно шептались, мне было ясно, что они сомневались в боевой возможности техники сбивать самолеты. Было очень жарко и душно.

Сел под кабину, было очень обидно, что из-за меня дивизион не выполнил боевую задачу, а я, как офицер наведения, не справился со своими обязанностями. Был уверен, что после этого командование Учебного центра отправит меня в Союз, как не справившегося со своими обязанностями. Не помню, сколько я просидел под кабиной. Вдруг вижу, что в мою сторону идет командир дивизиона. Он подозвал меня к себе и сказал, что наша станция была действительно разориентирована на 180 градусов относительно СРЦ, и попросил, чтобы я об этом больше никому не говорил.

После этого разговора с командиром я стал приходить в себя и понял, что моей вины не было в том, что мы не смогли обнаружить цели.

Через некоторое время на нашей позиции появился замполит Учебного центра подполковник Барсученко Михаил Фёдорович, он долго о чём-то разговаривал с моим командиром. Потом командир подозвал меня к себе. Когда я подошел к ним, Барсученко сказал: «Мы с твоим командиром пришли к выводу, что ты исправишься и в будущем не подкачаешь. Надеемся на тебя».

Как я понял из этого разговора, командир дивизиона ему правду не сказал. Меня оставили служить во Вьетнаме.

Обстановка в то время была очень напряженной, налеты американской авиации с каждым днем всё усиливались. Операторы в кабинах за пультом управления сидели по нескольку часов, где температура в термометрах зашкаливала за 70 градусов по Цельсию. Сидели в одних шортах, от этой жары под нами всегда собирались лужи пота. Вьетнамцы в таких условиях теряли сознание и падали в обморок, а среди советских военнослужащих не помню ни одного такого случая.

Потом было много боев, но один налет авиации запомнился на всю жизнь. С тех пор прошло почти 50 лет, но я все время вспоминаю эту историю до мельчайших подробностей.

11 августа 1965 года мы заняли позицию в провинции Нинь-Бинь уезда Завьен недалеко от промышленного центра города Фули. В 23 часа 30 минут дивизиону объявили боевую тревогу. По команде командира дивизиона, я включил станцию и привел её в боевую готовность. В нашу сторону приближалась цель на средней высоте, на дальности 40 километров. Обнаружил цель и передал на сопровождение операторам.

Сначала меня удивило то, что отметка от цели на экране была необычно большой и размытой, как отраженный сигнал от бомбардировщика. Потом эта отметка стала раздваиваться, я дал команду операторам сопровождать главную цель. На дальности 30 километров эти отметки опять слились. Через 5 секунд, по команде командира дивизиона, пустил 3 ракеты. После подрыва ракет у цели на экране индикатора образовалось большое пятно. Доложил командиру, что цель уничтожена, расход – 3.

Когда начало рассеиваться пятно на экране, то на этом фоне стала появляться отметка от цели. Взял её на сопровождение и доложил командиру: «Есть цель, цель падает».

Она падала к земле почти вертикально. В кабине было очень шумно, т.к. народу было в 3 раза больше положенного (советский боевой расчёт и два обучаемых вьетнамских). Вьетнамский командир дивизиона кричал в телефонную трубку, видимо, он докладывал о трех сбитых самолетах. Мой командир тоже отвлекался – он что-то объяснял вьетнамцу через переводчика. И вот в такой сумятице слышу команду: «Цель уничтожить двумя». По этой команде я должен был сразу пустить две ракеты по падающему самолету, но мне показалось, что командир не понял моего доклада о том, что цель падает, и нет необходимости тратить ракеты впустую. А цель все падала к земле, потом через несколько секунд вообще пропала с экрана. Когда она снова появилась, то летела уже на удалении от нас и вышла из зоны поражения

нашего комплекса. Доложил командиру, что цель удаляется, и через некоторое время она опять пропала с экрана.

Нам было неизвестно, что с ней тогда произошло, может быть, летчик был ранен и потерял сознание на некоторое время или же был поврежден самолет от взрывов трех ракет.

Потом выяснилось, что в группе было 4 самолета, они летели в плотном строю. От взрывов трех ракет 3 самолета разлетелись на куски, а четвертый самолет, видимо, был подальше от группы и лишь частично был поврежден, или же летчик на время был оглушен взрывами ракет. Возможно, он просто имитировал падение, зная, что находится в зоне поражения. Командир боевого расчета пусковой установки сержант Николай Колесник визуально видел, как взрывались наши ракеты вместе с самолетами. Полнеба было озарено взрывами. Когда стало светло, то вьетнамцы на месте падения самолетов нашли фрагменты тел погибших летчиков и куски развалившихся самолетов.

О судьбе четвертого летчика можно было только догадываться.

Эта история имела продолжение. Через неделю или две после этого к нам попала газета, которая издавалась в Сайгоне на английском языке. Один наш товарищ знал немного английский. В этой газете в основном писали о жизни и быте американских военнослужащих, но там мы нашли статью, где была информация о нашем бое. Совпадало время и место события. В этой статье сообщалось, что летчик катапультировался из поврежденного самолета и остался жив, что на место приземления прилетел вертолет службы спасения и забрал пилота, а затем его в стрессовом состоянии отправили на военную базу.

После этого боя наш 61-й дивизион сразу же возвратился на запасную позицию под Ханоем. Американцам было интересно узнать, какими боевыми средствами были уничтожены эти четыре самолета.

Рано утром, не успев отдохнуть, нам объявили боевую тревогу. С севера, со стороны Китая, в нашу сторону летел самолет. Когда я включил станцию, стало известно, что на высоте 22 километров летит разведывательный самолет U-2. В то время ни одно летательное средство во Вьетнаме не могло подняться на такую высоту. Боевую тревогу нам

объявили поздравато, U-2 был уже близко от нас. Мне надо было включить синхронизацию пусковых установок, чтобы пустить ракеты, а индикаторные лампочки о готовности пусковых установок по времени никак не загорались.

Когда все было готово, я нажал на кнопку «Синхронизация ПУ». И сразу вся станция выключилась. В кабине стало тихо и темно. Выскочили из кабины на улицу. Напротив нашей кабины стояли две дизельные электростанции, с которых ракетный комплекс получал электроэнергию. Увидели, что из одного дизеля валит дым, а также горит выхлопная труба. Вьетнамский дизелист спокойно сидел на пороге и выщипывал пинцетиком волосы из своей бороды. Он неправильно ввел два дизеля на синхронную работу, всю нагрузку тянул один дизель, а второй работал вхолостую. Когда я включил синхронизацию пусковых установок, нагрузка резко возросла, сработали автоматы защиты на выключение агрегата. Нашего, советского дизелиста, не было в штатном расписании. U-2 улетел безнаказанно, сфотографировав объекты, которые интересовали американское командование. После этого, по команде с командного пункта полка, мы быстро свернули комплекс и оставили эту позицию.

Была 100-процентная возможность сбить U-2 второй раз под Ханоем. Мы эту позицию заняли после долгих перемещений по джунглям. Во время обеденного перерыва (это время, когда на 3-4 часа на улице вся жизнь замирает из-за невыносимой жары) объявили тревогу. Пока включали станцию, самолет уже был над нами. Нам доложили, что летает разведывательный самолет U-2. Он летал по кругу над Ханоем, хотя я антенны кабины «П» поднял до верхнего упора, обнаружить его никак не мог, т.к. он был в мертвой воронке. Не было понятно, в каком направлении он будет выходить из этого круга, поэтому я сначала вращал по азимуту кабину «П» на 360 градусов. Потом начал искать его в секторе по направлению на юг. Командир дивизиона меня предупредил, чтобы я не пускал ракеты без его разрешения.

Все-таки я U-2 поймал, когда он выходил из круга в южном направлении. Мы быстро его взяли на сопровождение, я доложил командиру: «Есть цель, цель в зоне пуска». Хотел пустить ракеты, но командир не дал – он сбросил мою руку с

кнопки «Пуск». U-2 опять улетел. Потом я спрашивал командира, почему не дал пустить ракеты. Он ответил, что один из дивизионов по ошибке сбил свой МиГ-21, т.к. система опознавания «свой-чужой» во Вьетнаме не работала. Надо было ожидать от вьетнамцев команды – наш самолет или американский. Вот так и воевали - надо было иметь железные нервы.

В повседневной жизни со стороны вьетнамцев к нам было очень хорошее отношение, за исключением редких случаев. За время пребывания во Вьетнаме я практически всё время находился на боевых позициях и подготовил три дивизиона самостоятельно вести боевые действия. Мы, находясь на боевых позициях вместе с вьетнамскими расчетами, непосредственно участвовали в боевых действиях, показывая им, как надо сбивать американские самолеты.

Зенитно-ракетный комплекс должен быть постоянно боеготовым. Когда мы отдыхали, нас не было на позиции, вьетнамцы самостоятельно включали станцию и проводили разные работы: тренировали расчеты по обнаружению и сопровождению цели, а также тренировались в проведении регламентных работ.

Обычно после таких работ, при включении станции и проведения контроля функционирования, мы обнаруживали много неисправностей. Многие параметры оказывались за пределами допуска, поэтому мы категорически запрещали вьетнамцам проводить без нас какие-либо регламентные работы на станции.

Вначале я им спокойно объяснял, к чему может привести их самостоятельность. Они кивали головами, обещали больше этого не делать. Но все равно их «подпольная работа» продолжалась. Вьетнамский командир эту ситуацию объяснял тем, что у них есть большое желание как можно быстрее научиться самим сбивать американские самолеты. Иногда, для большей убедительности, мне приходилось переходить на более резкие тона с «крепкими» русскими выражениями. После этого они как пуля выскакивали из кабины и потом долго не решались заходить в неё.

Через некоторое время ко мне подошел вьетнамский замполит полка вместе с офицерами штаба и переводчиком Тяо. Замполит долго говорил по-вьетнамски, а Тяо перевел

тремя словами сказав, что я очень громко разговариваю с вьетнамским расчетом. Сначала я не понял, в чем дело. Тяо объяснил мне, что когда я с ними громко разговариваю, то часто употребляю слово из трех букв. Потом только я понял, что у них в лексиконе нет ругательных выражений. Но если скажешь вьетнамцу, что он кошка (это у них самое, для нашего понятия, ругательное выражение), то станешь для него вечным врагом.

Вот так, в повседневной жизни, иногда и возникали такие неприятности... Было всякое, но наше главное общее дело – бить врага – мы делали добросовестно и без трений.

В противоборстве с воздушными целями противника главным врагом для меня, как офицера наведения, были активные помехи. Сталкиваться с применением активных помех сначала не приходилось, но со временем интенсивность их применения наращивалась с каждым днем. Применение активных помех осуществлялось как с самолетов, действующих в составе группы, так и летающих на более дальнем расстоянии, вне зоны поражения, постановщиков. По своим техническим данным бороться с активными помехами станция была практически неспособна, поэтому нам приходилось решать боевые задачи в условиях помехового противодействия разными способами, кто как мог. В условиях помех мне удалось произвести в двух боях три пуска ракет и уничтожить три американских самолета.

Первый бой

Наша позиция находилась в 30 километрах от порта Хайфон. Налеты авиации осуществлялись практически ежедневно. В одном из боев нас окружили до десятка групп самолетов противника, шедших с разных сторон и делавших попытки прорваться к Хайфону. Долетали до зоны пуска ракет и возвращались обратно. Командование полка в этот день разрешило находиться за пультами управления вьетнамскому расчету, но наши операторы стояли за их спиной и контролировали их действия.

Одна группа из двух самолетов стала приближаться к нам, на дальности 28 километров расчет обнаружил цель и взял её на сопровождение. На дальности 25 километров пустили две ракеты по этим целям. Я контролировал все действия

вьетнамского офицера наведения и в процессе боевой работы давал ему необходимые указания.

Потом вижу, как на экране офицера наведения горизонтальная метка начала ходить вверх и вниз и вместо одной цели на экране стали появляться несколько отметок, которые передвигались по вертикальной метке. Я моментально сместил с рабочего места вьетнамского оператора по дальности, взялся за штурвал и начал искать на экране индикатора истинную цель на фоне ответно-импульсных помех (потом позже я понял эту ситуацию). И всё-таки, за несколько секунд до встречи ракеты с целью, я успел поймать истинную цель и начал её сопровождать. В результате два «фантома» были сбиты и упали в горы.

В этот раз американцы применяли ответно-импульсные помехи. Эта помеха на экране индикатора наблюдается в виде большого количества ложных отметок от целей, которые передвигаются хаотично по вертикальной метке. Оператор по дальности теряется в выборе требуемой отметки от реальной цели из множества ложных отметок.

Второй бой

Это случилось в конце командировки на территории провинции Хоабинь, где мы прикрывали мост через реку под названием Черная. В один из дней за линией зоны поражения нашего дивизиона появились несколько групп самолётов, видимо, с намерением прорваться к мосту и разбомбить его. Долго они нас мучили: одна группа улетает, а другая на замену прилетает.

Кабина управления, где мы находились, металлическая, а внутри она от пола до потолка заполнена радиоаппаратурой да ещё в ней находится два расчета личного состава. Иногда мы не выходили из наглухо задранных кабин по несколько часов, а температура в кабинах доходила до 70 градусов. Условия были ужасно тяжелые. От жары и духоты некоторые вьетнамские солдаты теряли сознание и падали в обморок. Но мы, советские специалисты, выдерживали.

Как только самолеты группами подлетали близко к нам, я выходил в эфир, но экраны были полностью забиты (засвечены) активной помехой, поэтому на экране не было видно ни одной цели. Вместо командира дивизиона был капитан Евгений Иванович Богун, отслеживавший воздушную

обстановку на экране ВИКО (выносной индикатор кругового обзора), получающего данные от СРЦ (станция разведки и целеуказания). Я запросил у него точные координаты ближайшей цели, штурвалами управления установил горизонтальные и вертикальные метки на перекрестке этих координат и включил тумблер СДЦ (селектор движущейся цели), который вырезает с экрана всю активную помеху и оставляет отметку на пересечении этих координат. Сразу же пустил одну ракету по направлению этой цели. Результата стрельбы, по известной причине, мы не смогли определить, но через полчаса вьетнамцы с радостью сообщили нам, что один сбитый самолет упал в горы и разбился.

После этой командировки во Вьетнам прошло уже 50 лет, но навсегда останутся в памяти многие эпизоды пребывания в этой героической стране и мои боевые товарищи: операторы ручного сопровождения Саша Бурцев, Тарзан Черквиани, Николай Волков, капитан Монастырский Николай Стахович, лейтенант Степан Данко, старшие лейтенанты Кудрявцев, Марченко, Борис Каргин, Григорий Любинецкий, полковники Проскурнин Иван Константинович, Завадский Казимир Владимирович и наши вьетнамские боевые друзья.

После возвращения из Вьетнама я служил заместителем начальника площадки на полигоне Ашулук.

С 1967 года по апрель 1972 года – слушатель Военной инженерной радиотехнической академии имени Говорова в городе Харькове.

С 1972 по 1974 год – старший инженер НИИ ПВО страны в городе Москве.

С 1974 года до конца службы в 1987 году служил на инженерных должностях в войсках раннего предупреждения о старте баллистических ракет в городе Николаеве.

Награжден орденом Красного Знамени, медалью «За отвагу» и вьетнамской медалью «Дружбы».

Полковник запаса.

Март 2016 года